

УДК 94(47).08

**СОДЕРЖАТЕЛЬНИЦЫ КАЗАНСКИХ
БОРДЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.:
ПОРТРЕТ ЯВЛЕНИЯ***С.Ю. Мальшева***Аннотация**

В статье на основании неопубликованных архивных документов рассматривается возрастной, социальный, национальный состав содержательниц казанских официальных публичных домов во второй половине XIX – начале XX в., характеризуется отношение к этой разновидности «предпринимательства» как самих содержательниц, так и других представителей городской среды. Делается вывод о несоответствии реальной фигуры содержательницы публичного дома параметрам, задававшимся официальными правилами, и традиционным представлениям, поддерживавшимся литературно-публицистическим дискурсом.

Ключевые слова: проституция, публичные дома, бандерши, содержательницы.

В массовых представлениях российских горожан второй половины XIX – начала XX в. существовал определённый стереотип содержательницы публичного дома, «бандерши», «мадам», в расцветивание которого внесли посильную лепту литература и публицистика. А.И. Куприн так иронически описывал экзальтированное возмущение аболиционистов (сторонников отмены регламентации проституции): «Хозяйки, эти жадные гетеры! Эти гнусные выродки человечества, сосущие кровь проституток! <...> Эта кровопийца, гиена, мегера» [1, с. 204, 206]. В поэтическом описании Г. Тукая содержательницы татарских борделей предстают как «колдуньи в заозёрье лесном», «Демберихи» – злобные старухи, нещадно эксплуатировавшие и обиравшие бедных сироток-проституток. В советское время этот образ счастливо наложился на шаблон «капиталистки-эксплуататорши», классового врага.

Безусловно, фигура содержательницы публичного дома являла собой не самый симпатичный городской типаж уже в силу её занятия. Однако немногочисленные архивные документы дают нам возможность составить реальное представление о казанских бандершах, а также развеять некоторые мифы о представительницах этого «сектора» «индустрии развлечений».

Строго говоря, в роли «посредников» на рынке сексуальных услуг выступали не только содержательницы публичных домов.

Во-первых, была категория сутенёров (их называли «коты»), «курировавших» многих проституток-одиночек, особенно неподнадзорных. Они иногда становились персонажами газетной криминальной хроники, но не в связи со своей

специфической «профессией», а, как правило, в связи с другими преступлениями – кражами и т. п. Бывало, что «коты» и сами становились жертвами доведённых до отчаянья проституток. Такой случай убийства проституткой «кота» был описан, например, в судебной хронике казанской газеты в январе 1909 г. 28 января 1907 г. проститутка Мочалова после совместной пьянки в трактире и ссоры зарезала в гостинице своего «кота» – крестьянина Белова. С помощью подкупленного коридорного она избавилась от следов преступления и выбросила смертельно раненного «кота» на панель Расстанной улицы. Суд назначил ей за это убийство всего 6 месяцев тюрьмы (см. [2]).

Во-вторых, существовали содержатели и служащие трактиров, бань и прочих «непрофильных» заведений, которые «организовывали досуг» клиентов, доставляя им «девушек» (доходы, как правило, делились между проституткой и «организатором»).

Наконец, существовало большое количество разновидностей сводней. Их промысел нередко был особенно криминален и осуждаем (и законом, и общественным мнением), поскольку они стремились удовлетворить прихоти богатых клиентов, целью которых были вовсе не проститутки, а именно «порядочные» женщины. Причём часто обманом, с помощью сводней совращались совсем юные девочки. Так, в июне 1882 г. на Рыбнорядской улице сводня Настасья Андреева, как говорилось в архивном документе, «совратила с мещанином Соловьёвым солдатскую дочь Дарью Дмитриеву 14 лет» (I, л. 190 об.). Это дело было передано в суд. Архивный фонд Казанского окружного суда полон дел по обвинению в сводничестве¹. Но далеко не всегда сводников постигало возмездие закона. Из их жертв нередко рекрутировались новые «кадры» проституток.

Сводни играли важнейшую роль и в рекрутировании проституток из татарских девушек и женщин. Два типичных пути женщины в проститутки выразительно описаны в реалистических произведениях татарской литературы.

В пьесе классика татарской драматургии Галиаскара Камала «Уйнаш» («Блуд») «маклер» Фатхерахман занимается сводничеством, вовлекая в свои сети прогуливающих в саду молодых женщин, чьи мужья уехали на Макарьевскую ярмарку, а затем шантажируя этих женщин. Его «конкурентка», сводница Маглифа, уговаривает молодую татарку Сарбижамал добиться у мужа развода, поскольку в неё якобы влюблён молодой богатый Анвар. Последнему она внушает, что молодая женщина влюбилась в него и готова на всё. Узнав о флирте жены, оскорблённый муж Сарбижамал объявляет ей развод, и она переезжает на съёмную квартиру. Только когда к ней начинают заявляться незнакомцы с весьма недвусмысленными предложениями, она понимает, что Анвар не собирался на ней жениться (он уже имел четырёх жен – предельное количество по шариату – да ещё нескольких любовниц содержал на квартирах), а знавшая об этом сводня уже «сватает» ей других богачей: несчастная женщина понимает, какая судьба ей уготована [3]. Кстати, уход от мужа к любовнику как начало пути проститутки фигурирует и в других произведениях татарской литературы, например в повести Кабира Бакира «Живые куклы» (К. Бәкер «Жанлы курчаклар» [4]).

¹ Например, дело о вдове титулярного советника Н.К. Анисимовой, обвиняемой в сводничестве, о крестьянине А. Пантелееве, обвиняемом в сводничестве своей дочери, и прочие (см. (II) и др.).

Другой путь татарской девушки в проститутки описан в повести Тимерши Соловьёва «Биби-Казан». Героиня, 14-летняя девушка, отданная матерью после смерти отца в прислуги городскому мулле, была им соvrращена, забеременела, и жена муллы выгнала её из дома. Мать её умерла от горя, ребёнок тоже умер. Не найдя в городе работы, девушка попадает в руки некоей сводни Хусни, которая начала её «водить в сад», где знакомила с богатыми татарскими мужчинами. Так началась её карьера проститутки. Хусни возила её с другими «девушками» и на Макарьевскую ярмарку. А затем сводни отправляют 16-летнюю Биби-Казан в Уфу – якобы наниматься в прислуги, а на самом деле продают за 30 рублей в публичный дом. Однако по дороге девушка приглянулась кондуктору, который после того, как Биби-Казан отвергла его приставания, столкнул её под колёса поезда. Лишившись ноги, она истекала кровью 10 часов и скончалась в больнице (см. [5]). Интересно, что историю последнего путешествия и смерти Биби-Казан автор в мельчайших деталях (кроме имени героини *Азрафена И-ва* и упоминаемых названий городов) позаимствовал из газетной заметки в «Русских ведомостях» за 1886 г. (№ 264; цит. по [6, с. 475–476]), причём даже сослался на этот номер газеты с якобы опубликованной историей Биби-Казан.

Промысел всех указанных категорий «посредников» был – в разной степени – криминален. В отличие от них содержательницы публичных домов действовали на законных основаниях. Пользуясь своим легальным статусом и стремясь его упрочить, содержательницы публичных домов старались всячески «крепить дружбу» с полицией, во всяком случае сохранять с её представителями хорошие отношения. По всей видимости, полиция, понимая взаимовыгодность таких контактов, также шла им навстречу по многим вопросам, нередко даже поддерживала в спорной ситуации, как это было, например, в Казани в ходе конфликта между жителями улицы Пески (средоточия большинства официально разрешённых публичных домов) и содержательницами публичных домов на этой улице.

В 1885 г. около 30 домовладельцев с улицы Пески (или, как чаще говорили, «с Песков») обратились в городскую управу, жалуясь на то, что «из публичных больших домов, находящихся по лицу улицы, постоянно днём и во всю ночь видны всякие безобразия, в особенности летом, то есть, на открытых окнах сидят или высовываются в полунагом состоянии, ругаются с проходящими всякими сквернейшими словами и вообще кроме безобразия ничего нельзя видеть, почему нам с семьями и никак невозможно жить. По ночам часто бывают скандалы, крик, шум, кричат “караул” и т. п.» (III, л. 2 об.). Рассмотрев вопрос, казанская городская управа выразила сочувствие просителям, но не стала закрывать публичные дома.

Полицию не смутил даже тот факт, что дома терпимости вкупе с питейными заведениями располагались в 13 и 39 саженьях от приходской Георгиевской школы купца А.А. Аметевского. Дело в том, что школа Аметевского находилась в его частном доме, а ограничения касались расположения «злачных мест» в непосредственной близости лишь от тех учебных заведений, которые помещались в постоянных казённых или их собственных зданиях. Между тем неподалёку от школы Аметевского – ближе, чем в 40 саженьях! – находилось аж 9 публичных домов: Раковской, Исаевой, Масарской 2-й (Масарская владела двумя домами

терпимости), Засухиной, Ладоновой, Бессмертных, Петровой, Бровкиной, Меселевич.

Пристав 4-й части Евдокимов ничтоже сумняшеся сообщил 31 марта 1886 г. в своём рапорте в Казанское городское полицейское управление о «благородной» инициативе содержательниц борделей: «Находя открытие Аметевским школы на Песках при существовании публичных и других заведений, неуместным, содержательницы тех заведений лично мне заявили, что в видах нравственности для учащейся молодежи, они готовы нанять на свой счёт помещение под школу в другом месте, лишь бы не было её на Песках» (III, л. 9–10). Полицейский пристав встал на сторону владелиц публичных домов, подчеркнув законность обретания там борделей, поскольку «улица Пески, исключительно, назначена для публичных заведений» (III, л. 10).

Требования, предъявляемые к кандидаткам на «должность» содержательницы публичного дома, их права и обязанности были чётко прописаны в правилах МВД. Прежде всего, дома терпимости позволялось содержать только женщинам. Мужчины на это поприще не допускались (хотя в реальности бывало, что документы лишь оформлялись на женщину, а всеми делами заправлял её муж или сожитель, остроумно названный Лаурой Адлер «принцем-консортом» [7]). Причём был определён «возрастной ценз» для женщин, желающих открыть публичный дом. Так, в соответствии с «Правилами содержательницам борделей», утверждёнными Министерством внутренних дел 29 мая 1844 г., содержательницами могли быть женщины «средних лет» – в возрасте от 30 до 60 (см. [8]). «Правилами для содержательниц домов терпимости», утверждёнными 28 июля 1861 г., возраст содержательниц был ещё более ограничен: такие заведения позволялось открывать женщинам не моложе 35 лет и не старше 55 лет.

Положение содержательницы публичного дома накладывало на неё ряд ограничений. Содержательница должна была проживать в тех же квартирах, что и её подопечные. Муж содержательницы, если таковой имелся, должен был жить в помещении, отделённом от комнат подопечных супруги. Дети содержательницы в возрасте старше 4 лет должны были проживать отдельно от матери. Не могли жить с ней и её родственницы, жилицы, если они не являлись публичными женщинами (IV, л. 35–36).

Архивные документы редко дают сведения об этих «посредницах» между «потребителем» и «товаром» на рынке сомнительных досуговых «услуг». Чаше они предоставляют косвенные данные об имевшихся домах терпимости. Так, по спискам зарегистрированных проституток 1858 и 1859 гг. можно обнаружить, что в то время в Казани имелось по крайней мере 11 официально разрешённых публичных домов, преимущественно во 2-й части – дома терпимости Пружанской (от 9 до 19 проституток), Руфьевой (16–17 «девушек»), Гайни Раимовой (10 проституток), Наумовой (3–8 проституток), Духновской (6 проституток), Гутман (5 проституток), Никитиной (4 проститутки), Анны Ганц (1–3 «девушки»), Фоминой (3 проститутки), Бадиги Зямал (3 проститутки) и Фатимы (1 проститутка) (V, л. 12–12 об., 20–20 об., 24–25, 28–33 об.; VI, л. 2–13 об., 32, 39–39 об., 43, 47–47 об.).

По отдельным более поздним документам мы можем составить приблизительный социальный и возрастной портрет казанских бандерш (заметим – только

наиболее законопослушных из них, зарегистрировавших свои заведения). В списке 22 казанских домов терпимости, составленном 22 августа 1882 г. (см. (I, л. 110–157)), означены и 20 владелиц этих заведений (две женщины – жена отставного канонира Малка Масарская и казанская мещанка Ольга Августовна Ладанова (Ладанова) – содержали по два публичных дома в 4-й части, на Песках: Масарская – в домах Дружинина и Кле, а Ладанова – в домах Дружинина и Левина).

Большинство этих домов было расположено в 4-й части, на Песках (18 борделей), остальные – во 2-й части (4 дома). Наименьшее количество проституток в борделях составило 2 и 3 «девушки» (соответственно, в борделях на Песках П.В. Семёновой и А.А. Марамсиной). Кстати, оба борделя находились в одном и том же здании – доме Архипова, в нём же содержала публичный дом с 6 проститутками ещё одна бандерша – А.С. Романова. И там же снимала помещение под публичный дом владелица самого «многолюдного» по числу проституток борделя С.Г. Клементева – в её заведении имелось 18 «девушек».

Надо сказать, что публичный дом чаще всего снимал только часть дома – квартиру или несколько квартир. Поэтому в списках часто повторяются фамилии владельцев домов, сдававших площади нескольким борделям одновременно: дом Архипова называется, к примеру, 4 раза, по два раза упоминаются дома Рубцова, Волковой, Дружинина, Кле. Случаев, когда хозяйка борделя учреждала его в собственном доме, не выявлено, хотя дважды фамилии хозяйки борделя и хозяйки/хозяина дома совпадали: Ирина Петрова снимала помещение в доме Петрова на Песках, а Матрёна Волкова – в доме Волковой. Но, скорее всего, владельцы домов были лишь однофамильцами или родственниками бандерш, в противном случае обычно в документах указывалось «в собственном доме».

Анализ возрастного состава хозяек борделей показывает, что требование указанных «Правил» 1861 г. не выполнялось: из 20 хозяек домов терпимости 10, то есть половина, не достигли положенных 35 лет. Их возраст тем более не соответствовал и требованиям более ранних «Правил» 1844 г.: 5 владелиц, то есть четверть «командного состава» казанских борделей, были даже моложе 30 лет.

Упомянутой Ладановой не доставало до необходимых 35 лет одного года. Крестьянке Московской губернии Екатерине Фёдоровне Лахиной (бордель во 2-й части на Средне-Ямской улице, в доме Маколовского) и жене запасного денщика Рохе Абрамовне Грейсберг (бордель в 4-й части на Песках, в доме Рубцова) исполнилось по 32 года. Крестьянская девица Ирина Петрова, державшая публичный дом там же, на Песках, в доме Петрова, была годом моложе. Ещё младше на год оказалась крестьянская жена Аграфена Андреевна Бессмертных, хозяйка борделя на тех же Песках, в доме Васильева. Следом – по убыванию возраста – шли две 28-летние бандерши: казанские мещанки Софья Григорьевна Клементева и Александра Семёновна Романова, державшие по публичному заведению на Песках в одном и том же доме Архипова. Владелице ещё одного борделя в том же доме – жене крестьянина Пелагее Васильевне Семёновой – исполнилось 26 лет, а жене запасного рядового Прасковье Семёновне Буданкиной (публичный дом на Песках в доме Волковой) – 25 лет. Самой младшей в этом списке бандерше, казанской мещанке Марье Викторовне Абрамовой, державшей своё заведение с шестью проститутками в 4-й части на Песках в доме

Кле, исполнилось только 23 года! Причём средний возраст «девиц» в её заведении чуть превышал 24 года, только две из шести её подопечных были моложе хозяйки, все остальные были старше.

Судя по анализируемому списку (I, л. 110–157), возраст хозяек казанских публичных заведений в 1882 г. варьировал в пределах от 23 до 49 лет². Вполне соответствовали установленному возрастному цензу 38-летняя жена запасного фельдшера Хана Лейбовна Познанская – хозяйка публичного дома на Песках в доме Егоровой, а также три 40-летние «предпринимательницы»: самарская мещанка Александра Петрова (бордель во 2-й части на Односторонке Задне-Ямской улицы в доме Стражникова), жена отставного рядового Евгения Петровна Грузкова (бордель в 4-й части на Песках в доме Кравца), крестьянская девица Матрёна Ивановна Волкова (бордель на Песках в доме Волковой). Трём «профессиональным организаторшам досуга» исполнилось по 45 лет – упомянутой выше Малке Масарской (владелице двух борделей на Песках), жене отставного унтер-офицера Екатерине Петровне Гольдбаум (публичный дом на Песках в доме Рубцова) и крестьянской жене Елене Ерофеевне Колесниковой (бордель на Песках в доме Каменского). Годом старше была казанская мещанка Александра Алексеевна Марамсина, владевшая публичным домом на Песках в доме Архипова. Наконец, самой старшей бандершей оказалась казанская мещанка Махуб-Зямал Муталаповна Сыромятникова, державшая публичный дом во 2-й части на Задне-Ямской улице в доме Дерябиной: ей исполнилось 49 лет. Иначе говоря, казанские бандерши не нарушали верхнюю границу возраста для содержательниц борделей, установленную правилами. Все нарушения касались нижней границы.

Таким образом, положение «Правил» о возрасте владелиц борделей строго не соблюдалось. Тем не менее возраст, а также другие формальные критерии, указанные в «Правилах» МВД 1844 и 1861 гг., могли быть поводом для отклонения ходатайства той или иной женщины, желавшей открыть публичный дом. Так, в феврале 1901 г. Врачебным отделением Казанского губернского правления Мамадышскому уездному исправнику было препровождено ходатайство крестьянки Мамадышского уезда Елышевской волости деревни Карашурмы Шамсинисы Юсуповой, которая просила разрешения открыть в г. Мамадыше дом терпимости. Исправник в этой просьбе отказал, указав, что кандидатура Юсуповой не соответствует двум параграфам «Правил» 1861 г.: во-первых, ей нет ещё 35 лет, а во-вторых, она трижды привлекалась к ответственности по 44 статье Установления о наказаниях (недозволенный набор девиц в дом терпимости) и трижды отбывала наказание (VII, л. 1, 3–3 об.).

Что касается социальной принадлежности этих дам, то среди них было поровну (по 7 человек) мещанок и крестьянок (статус некоторых конкретизирован: «крестьянская девица» или «крестьянская жена»), ещё шесть женщин были жёнами отставных военных – двух рядовых, канонира, унтер-офицера, денщика, фельдшера. Национальную принадлежность хозяек публичных домов можно определить лишь приблизительно, на основании их имён и фамилий.

² В этом списке не указан возраст только одной хозяйки публичного дома – Биби-Асмы Вахрутдиновны Аблаковой, крестьянки Казанского уезда, державшей публичный дом во 2-й части на Задне-Ямской улице в доме Столбова.

Большинство (14 женщин) – русские, есть в списке также 2 татарки (владелицы татарских публичных домов во 2-й части Махуб-Зямал Муталаповна Сыромятникова и Биби-Асма Вахрутдиновна Аблакова), 3 еврейки (Малка Масарская, Роха Абрамовна Грейсберг, Хана Лейбовна Познанская) и одна женщина – жена отставного унтер-офицера Екатерина Петровна Гольдбаум – была, по всей видимости, русская, вышедшая замуж за немца либо еврея.

На основании этих сведений вырисовывается условный усреднённый образ содержательницы публичного дома в Казани в 1882 г.: это женщина чуть за 35 лет, чаще русская, бывшая (или побывавшая) замужем, мещанка, крестьянка или жена отставного военного. Как правило, помещение публичного дома ею снималось, а персонал заведения насчитывал в среднем 8 проституток.

Данные, собранные о бандершах Казанской губернии в ходе статистического обследования 1889 г., дополняют представления о «командном составе» борделей. В 1889 г. в Казанской губернии числилось 23 борделя, 17 из них – в Казани (остальные 6 – в Чистополе и Чебоксарах). Большинство хозяек домов терпимости в губернии составляли солдаты – 13 из 23, а мещанок и крестьянок было, соответственно, всего 5 и 2 женщины. Две трети владелиц борделей состояли в браке. По национальной принадлежности 13 из владелиц были русскими, 2 татарки, 7 евреек и одна полячка. Среди бандерш в возрасте младше установленных правилами 35 лет – десять женщин, из них – не менее пяти «новичков», заступивших за последние семь лет на эту «трудовую вахту». Но более 56% владелиц домов терпимости Казанской губернии составляли женщины в возрасте от 30 до 40 лет (см. [9]).

Карьера бандерши чаще всего начиналась «с низов»: многие из них прошли в своё время путь проститутки, сумели обзавестись деньгами и открыть собственное «заведение». Надо сказать, что не только в низших, но и в средних городских слоях с весьма толерантными представлениями о пределах морально допустимого отношении к содержанию публичного дома как к сфере профессиональных занятий и дохода в корне отличалось от того экзальтированного возмущения, над которым иронизировал Куприн. Быстрая коммерциализация во второй половине XIX – начале XX в. повседневной жизни горожанина, сферы услуг и развлечений вкупе с легализацией проституции правительством в 1843 г. превратили предосудительное занятие организации «сексуальных услуг», говоря современным языком, в бизнес, причём вполне легальный, доходный (и – что очень важно – не облагаемый налогами!), даже «почтенный бизнес».

Оставив пока тему отношения к этому бизнесу, обратим внимание на факт его легальности. Ведь законопослушные содержательницы фактически бок о бок с полицейскими, врачами, проституционными комитетами, руководствуясь особыми правилами, выполняли задачи регламентации проституции! Разумеется, их функции никак нельзя сравнивать с функциями государственных служащих – полицейских и врачей. Но объективно поднадзорные публичные дома и их владелицы были центральными звеньями этой политики регламентации. Поэтому вполне справедливо указание на то, что власти практически считали содержательниц домов терпимости «низшими агентами врачебно-медицинского надзора» [6, с. 106].

Подчас бандерши преисполнялись нешуточным пафосом «охранительниц общества» от тех язв и пороков, которые оно могло излить в их заведениях, локализовать в этих своеобразных «резервациях» и, таким образом, оберечь общественный, семейный и прочий покой и мораль. Правда, чаще всего этот пафос прорезывался в направленном вовне дискурсе, если речь заходила о каком-либо ущемлении материальных интересов дела их заведений. Так, вспомним упомянутый выше конфликт жителей Песков с владельцами публичных домов. Как возмущались бандерши открытием приходской школы вблизи их заведений, какую трогательную заботу они проявляли в заявлении приставу 4-й городской части о «нравственности для учащейся молодежи», даже выражали готовность оплатить аренду помещения для школы в другом месте, лишь бы подальше от их заведений! Интересно, что плотно и тесно работавший с ними пристав, излагавший их заявление в своём рапорте в Казанское городское полицейское управление, похоже, даже не замечал всего комизма ситуации, когда содержательницы борделей выступали в роли поборниц общественной морали, охранения нравственности молодёжи и соблюдения буквы закона.

Впрочем, формально содержательниц, зарегистрировавших свои заведения и соблюдавших предписания, было трудно упрекнуть в неуважении к закону. Более того, некоторые из них проявляли просто безграничное доверие к букве закона, являя образцы «правового сознания». Довольно курьёзный случай, произошедший в Казани осенью 1902 г., описывают скупые строки архивного дела (VIII), хранящегося в фонде одного из мировых судей.

В сентябре 1902 г. в Казань прибыла оренбургская мещанка Биби-Фаиза Мухитова, являвшаяся содержательницей одного из домов терпимости в Оренбурге. Целью её «командировки» был подбор персонала – девиц-татарок в дом терпимости. Искомое нашлось довольно быстро: сентябрьским вечером в парке Чёрное озеро в центре города (где вечерами в изобилии прогуливались проститутки-одиночки) она познакомилась с Биби-Камал Назировной Кирбамбаевой, крестьянкой Казанской губернии, Тетюшского уезда, Сюкеевской волости, деревни Балтачёвой, которая уже являлась зарегистрированной проституткой, а также с её подругой – крестьянской девицей Казанского уезда Чепчуговской волости, деревни Ямашурмы Магитап Тохватуллиной.

Девушки согласились поступить в её дом терпимости и на другой день прибыли с багажом на пристань на Устье, собираясь ехать с Мухитовой в Оренбург. Поскольку до отхода парохода было довольно времени, «новобранки» попросили задаток, получили от Мухитовой по 20 рублей и отправились погулять и выпить пива, оставив корзину с багажом, а также свои документы – проходное свидетельство Кирбамбаевой и паспорт Тохватуллиной. Больше Мухитова их не видела. Поняв, что её обманули, и возмущившись нарушением честной сделки, Мухитова – неграмотная иногородняя содержательница борделя – преисполнилась решимости отстаивать свои права и имущество с помощью закона. Она отправилась в ближайший полицейский околоток с жалобой на обманщиц. Причём ничтоже сумняшеся она подробно изложила обстоятельства дела, не скрывая цели своего визита в Казань.

Полиция отнеслась к заявлению со всем вниманием, провела расследование, дотошно изучила содержимое корзины и опросила свидетелей. И между

делом заметила, что действия Мухитовой подпадают под проступок, предусмотренный 44 статьёй Установления о наказаниях (занятие недозволенным набором девиц в дом терпимости), и передала дело в мировой суд (VIII, л. 4–4 об, 6–6 об., 11–14). Жернова закона вращались неспешно. Наконец в марте 1903 г. Казанский съезд мировых судей принял следующее решение: невыполнение Кирбамбаевой и Тохватуллиной обязательств по словесному договору и невозвращение ими задатка не является уголовно наказуемым деянием, и у Мухитовой есть только право на предъявление к ним гражданского иска. А вот деяния самой Мухитовой – недозволенный набор девиц в дом терпимости – подпадает под уголовную ответственность по 44 статье (VIII, л. 17–17 об.). Ввиду сего наивно «сдавшая» самоё себя полицейским властям Мухитова была приговорена к трёхнедельному аресту, который полностью отбыла в августе 1903 г. в Оренбурге (VIII, л. 25–25 об.).

В деле Биби-Фаизы Мухитовой весьма примечателен ещё один факт. Явившись в околоток, Мухитова не смогла предъявить околоточному надзирателю свой паспорт, поскольку, как она объяснила, её документ находился на пристани у **её матери** (VIII, л. 6 об.)! Здесь мы возвращаемся к вопросу об отношении к такому предосудительному с моральной точки зрения «бизнесу», как содержание публичного дома. Как уже упоминалось, в низших и средних городских слоях отношение к этой форме «предпринимательства» нередко в корне отличалось от осуждения, предписываемого моральными и религиозными нормами. А официальная легализация этого занятия вкупе с коммерциализацией досуговой сферы привела к тому, что содержание борделей стало восприниматься в этой среде как вполне обычный законный бизнес. Нередко на этой ниве трудилась вся семья бандерши: она сама осуществляла руководство, а родственники помогали в ведении бухгалтерии и других делах. На фоне такого отношения тот факт, что, отправляясь вербовать проституток для своего заведения, содержательница дома терпимости – в качестве помощницы или просто за компанию для приятной прогулки на пароходе – захватила с собой мать, не вызывает уже изумления.

Отношение к «бизнесу» бандерши в средних городских слоях весьма точно охарактеризовал А.И. Куприн в повести «Яма», живописуя тихую почтенную жизнь отошедшей от дел бывшей содержательницы публичного дома: «Теперь можно спокойно, не торопясь, со вкусом, сладко обедать и ужинать, к чему Анна Марковна всегда питала большую слабость, выпить после обеда хорошей домашней крепкой вишнёвки, а по вечерам поиграть в преферанс по копейке с уважаемыми знакомыми пожилыми дамами, которые хоть никогда и не показывали вида, что знают настоящее ремесло старушки, но на самом деле отлично его знали и не только не осуждали её дела, но даже относились с уважением к тем громадным процентам, которые она зарабатывала на капитал. И этими милыми знакомыми, радостью и утешением безмятежной старости, были: одна – содержательница ссудной кассы, другая – хозяйка бойкой гостиницы около железной дороги, третья – владелица небольшого, но очень ходкого, хорошо известного между крупными ворами ювелирного магазина и так далее. ...В их среде было не принято говорить об источниках семейного благополучия – ценились только ловкость, смелость, удача и приличные манеры» [1, с. 402–403].

Впрочем, к концу рассматриваемого периода «благородное» ремесло легально зарегистрировавшей своё заведение содержательницы – «Анны Марковны» и «Демберихи» – практически уходит в прошлое. Ввиду сильных аболиционистских настроений в обществе, закрытия под их влиянием большинства публичных домов и падения полицейского контроля над проституцией на рынке сексуальных услуг в роли посредников всё активнее выступают представители криминальных форм сексуального «менеджмента»: сводни и «коты». Роль других посредников – владелиц и владельцев «нехороших» квартир и комнат, неподнадзорных притонов и «домов свиданий», где массово проживали проститутки или куда они приводили клиентов, – сводится к сознательному предоставлению помещений для «тайного разврата». Владельцев таких квартир, если их квартирносъемщицы и были уличены в занятии проституцией, наказывали чисто условно. Так, при обнаружении в январе 1917 г. полицией тайного притона в 4-й части города в Суконной слободе хозяйка этой «нехорошей квартиры» отделалась штрафом в 3 рубля (ровно столько стоила «разовая услуга» её «постоялиц»), который, впрочем, был через несколько месяцев вообще отменён (см. (IX, л. 6–7, 9)). Во многом под влиянием указанных тенденций большинство проститутки – и «девиц» со стажем, и начинающих – предпочитали «вольные хлеба», то есть вообще обходились без посредников на свой страх и риск.

Исследование выполнено в рамках краткосрочного гранта в области гуманитарных наук в Беларуси, России и Украине Американского совета научных сообществ (ACLS – American Council of Learned Societies) 2010–2011 гг. и при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (соглашение № 14.A18.21.0955) по теме «Мультикультурность российского региона как (де)стабилизирующий фактор исторического развития (Среднее Поволжье XIX – начала XXI в.)». Статья является частью готовящейся к изданию монографии «Публичные дома и проститутки в досуговой и повседневной жизни Казани второй половины XIX – начала XX в.».

Summary

S. Yu. Malysheva. The Mistresses of Kazan Brothels in the Second Half of the 19th and at the Beginning of the 20th Century: The Portrait of the Phenomenon.

Based upon unpublished archival documents, this paper considers the age, social and national composition of the mistresses of official Kazan brothels in the second half of the 19th and at the beginning of the 20th century. The attitudes of the bawds themselves and other representatives of the city environment towards this kind of “entrepreneurship” are discussed. A conclusion is made that the real figure of bawd did not correspond to the image created by the official rules and to the traditional ideas supported by the literary and journalistic discourse.

Keywords: prostitution, brothels, madams, bawds.

Источники

I – НАРТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. 2. Оп. 5. Д. 316.

II – НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 456, 758.

III – НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6915.

- IV – НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6265.
V – НАРТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 170.
VI – НАРТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 176.
VII – НАРТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1233.
VIII – НАРТ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 70.
IX – НАРТ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 140.

Литература

1. *Куприн А.И.* Яма // Куприн А.И. Собр. соч.: в 9 т. – М.: Худож. лит., 1972. – Т. 6. – С. 150–434.
2. Судебная хроника. Убийство в притоне // Казанский телеграф. – 1909. – 23 янв.
3. *Камал Г.* Уйнаш // Камал Г. Әсәрләр: 3 т. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1978. – Т. 1. – Б. 95–126.
4. *Бәкер К.* Жанлы курчаклар. – Казан, 1912. – 39 б.
5. *Соловьёв Т.С.* Биби-Казан. – Оренбург, 1906. – 16 б.
6. *Илюхов А.А.* Проституция в России с XVII века до 1917 года. – М.: Новый хронограф, 2008. – 559 с.
7. *Адлер Л.* Повседневная жизнь публичных домов во времена Золя и Мопассана. – М.: Молодая гвардия: Палимпсест, 2005. – 230 с.
8. *Зюбан М.Н.* Эволюция царской политики в отношении женской проституции. – URL: <http://izvestia.asu.ru/2009/4-4/hist/TheNewsOfASU-2009-4-4-hist-19.pdf>, свободный.
9. Проституция в Российской империи по обследованию 1-го августа 1889 г. / Под ред. А. Дубровского. – СПб.: Центральный стат. ком. МВД, 1890. – 124 с.

Поступила в редакцию
21.12.12

Малышева Светлана Юрьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры историографии, источниковедения и методов исторического исследования, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: Svetlana.Malycheva@ksu.ru